СОДЕРЖАНІЕ.

Литературные отклики.

Симптомы современныхъ переживаній и настроеній.

„Когда начинаются разсужденія о литературѣ и поэтическомъ творчествѣ, мною овладѣваетъ мучительная скука и безпомощная тоска... Критика, какъ критика, есть нонсенсъ“.

Такъ сказалъ К. Д. Бальмонтъ, усаживаясь писать для „Золотого Руна“ (№ 11—12 пр. года) критическую статью, посвященную оцѣнкѣ современной русской литературы.

Категорическій тонъ этихъ первыхъ вступительныхъ строкъ проходитъ черезъ всю критическую статью Бальмонта: онъ отнесся къ нашей художественной литературѣ съ суровымъ и рѣшительнымъ осужденіемъ. И такъ какъ въ былыя и даже не столь еще давнія времена Бальмонтъ былъ однимъ изъ самыхъ восторженныхъ поклонниковъ тѣхъ, кого онъ теперь безповоротно отвергаетъ, то, думаю, читатель не безъ интереса познакомится съ новыми взглядами нашего критика на явленія современной русской словесности.

О прозаикахъ Бальмонтъ говоритъ съ видимой неохотой. По его мнѣнію, они, „за двумя—тремя исключеніями, непристойны по своей повторности, по изношенности пріемовъ, по вульгарности своего языка... Оперный пѣвецъ русской прозы, Леонидъ Андреевъ сталъ вчерашнимъ днемъ, и потому его творчество какъ разъ подстать для большой международной публики. Для нея же пишетъ свои компилятивные романы Мережковскій. Зинаида Гиппіусъ безшумно увяла. Любопытны Зайцевъ и Ремизовъ, но не приковываютъ вниманія. Въ томъ или иномъ смыслѣ можно назвать еще нѣсколько именъ. Но здѣсь нѣтъ живого дуновенія“...

О современныхъ русскихъ поэтахъ Бальмонтъ также не высокаго мнѣнія. Однако онъ все-таки чего то ждетъ отъ нихъ. Отъ кого же? Отъ Брюсова? Но Брюсовъ „такъ весь проникся многоразличными вліяніями французской литературы, что, когда начинаешь выяснять, что есть собственно Валерій Брюсовъ“, то... „въ смыслѣ элементовъ мало что находишь доподлинно Брюсовскаго“. Вячеславъ Ивановъ—„книжникъ“, и въ

огромномъ большинствѣ своихъ произведеній онъ—„не болѣе какъ словесникъ—дистилляторъ“. Нѣсколько снисходительнѣе отнесся авторъ къ Сологубу, но и этотъ „по свойству своего обличія часто говорить не долженъ, а то впечатлѣніе получается не искомое“. Блокъ неясенъ. Городецкій- „выпущенный изъ клѣтки щегленокъ“, и о немъ пока много говорить нечего. Кузминъ—имитаторъ. Даже Андрей Бѣлый, къ поэтическому дарованію котораго Бальмонтъ еще такъ недавно относился почти съ обожаніемъ, теперь для него только „разудалый журналистъ“ и „незначительный стихотворецъ“.

Критическая статья Бальмонта далеко не охватываетъ нашей художественной литературы послѣдняго времени, въ ея наиболѣе замѣтныхъ проявленіяхъ. Многое она тенденціозно замалчиваетъ, а въ сказанномъ довольно явственно чувствуются мѣстами какія то затаенныя личныя обиды, какіе то личные счеты поэта. Но общее настроеніе критика найдетъ созвучные отклики въ каждомъ, кто интересуется нашей литературой, кто слѣдитъ за ея перемѣнчивыми судьбами. Общій итогъ статьи подведенъ чуткой и вдумчивой мыслью, и съ нимъ нельзя не согласиться. Въ области русскаго художественнаго творчества Бальмонтъ отмѣчаетъ именно наступленіе „мутной осени“,—„нѣтъ, или мало, крупныхъ талантовъ; чрезвычайно много маленькихъ талантовъ и дарованьицъ, которыя, обрадовавшись готовымъ формуламъ, безъ конца занимаются словеснымъ спортомъ“.

Да, при чрезвычайномъ изобиліи талантовъ по части художественной техники, замѣтно чувствуется оскудѣніе творческой энергіи. И это—особенность послѣ-революціоннаго періода нашей жизни.

Оглянитесь немного назадъ, и вы вспомните блестящую художественную производительность М. Горькаго. Вы вспомните яркую фигуру купца Маякина и всѣхъ этихъ „бывшихъ людей“, обрѣвшихъ для себя такой эффектный эпилогъ—синтезъ въ драмѣ „На днѣ“. Дальше вы вспомните тѣ нѣсколько большихъ и яркихъ полотенъ, въ которыхъ такъ правдиво отразились предъ-революціонныя переживанія нашей жизни,—„Поединокъ“ Куприна, „Евреи“ Юшкевича, „Страна отцовъ“ Гусева—Оренбургскаго, „Василій Ѳивейскій“ и „Красный смѣхъ“ Леонида Андреева.

Но вотъ на облачномъ небѣ нашихъ пасмурныхъ дней заалѣлась заря революціи. Наступили дни, которые, казалось, въ одномъ властномъ и единодушномъ порывѣ объединили всю страну. Но не стойкимъ и не продолжительнымъ оказался этотъ энтузіазмъ. И наша художественная литература, обыкновенно очень чуткая ко всѣмъ общественнымъ переживаніямъ родины, на этотъ неожиданный приливъ революціонной волны успѣла откликнуться только лирикой.

Поэты, поспѣшая другъ передъ другомъ, настраивали свои лиры въ честь и славу революціи. И скоро въ огромной плеядѣ пѣвцовъ возмущенной стихіи оказались чуть ли не всѣ представители русской поэзіи. Пере-

городки, вчера еще наглухо отгораживавшія декадентовъ и модернистовъ отъ поэтовъ старой школы, рухнули, и въ дружномъ хорѣ, воспѣвавшемъ гимнъ революціи, слились голоса Якубовича и Брюсова, Тана и Бальмонта, Галиной и Минскаго, Лукьянова и Рукавишникова... Въ этомъ большомъ и разноликомъ хорѣ можно было увидѣть и новыхъ, мало чѣмъ до того проявившихъ себя поэтовъ, изъ которыхъ одинъ (Амари), обративъ на себя общее вниманіе восторженнымъ гимномъ революціи, такъ и замолкъ съ отливомъ стихіи, оставшись невѣдомымъ пѣвцомъ медоваго мѣсяца русскаго революціоннаго движенія.

Что же касается нашихъ беллетристовъ, то они просто не успѣли отразить въ своихъ картинахъ короткій моментъ революціоннаго подъема страны. Неожиданное зрѣлище пробужденнаго народа застало ихъ врасплохъ, а всматриваться въ эти какъ будто новыя лица было некогда да и нельзя,— ибо никто не могъ въ бурные дни первой революціонной вспышки оставаться зрителемъ. Можно было уйти въ ряды одной изъ борющихся партій, какъ сдѣлалъ это М. Горькій. Можно было превратиться въ лирическаго поэта, что случилось, напримѣръ, съ Гусевымъ-Оренбургскимъ, справившимъ чудную тризну въ первую годовщину 9-го января. Можно было сдѣлаться страстнымъ обличителемъ-корреспондентомъ, какъ это и сталось съ Купринымъ, призваннымъ теперь къ отвѣтственности за севастопольскую корреспонденцію. Все можно было. Только нельзя было найти въ себѣ достаточнаго спокойствія для художественнаго созерцанія выбившейся изъ своихъ устоевъ жизни.

Выходъ, найденный Купринымъ, пришелся по-сердцу нашимъ беллетристамъ. И когда изъ-за единодушія политическихъ лозунговъ обрисовались разнообразные, часто враждебные другъ другу соціальные интересы; когда контръ-революціонныя силы въ этомъ разнообразіи и враждѣ сознали прочную опору для своего рѣшительнаго выступленія,—тогда многіе, можетъ быть, даже большинство беллетристовъ, превратились въ корреспондентовъ. Но они не называли точно время и мѣсто дѣйствія изображаемыхъ ими событій; настоящія имена они замѣняли вымышленными. Пытаясь дать „художественное обобщеніе" какому-нибудь поразившему ихъ кровавому событію, они умышленно стирали съ него самыя яркія краски и превращали его въ блѣдную и фальшивую копію дѣйствительности. И въ то же время сама попытка обобщить необобщаемые патологическіе факты одичанія и озвѣренія производила отталкивающее впечатлѣніе лжи и грубой клеветы на человѣка.

Объединеніе лирики на почвѣ гражданскаго паѳоса и превращеніе беллетристики въ политическую корреспонденцію—таковы наиболѣе характерные моменты въ переживаніяхъ нашей художественной литературы въ революціонный періодъ.

Но... „догорѣли огни", допѣты торжественные гимны лириковъ, дописаны послѣдніе разсказы—корреспонденціи... Печать усталости и творческаго безсилія лежитъ на новой поэзіи и новой прозѣ. И тщетно отвращаютъ художники лицо свое отъ смутившей ихъ современности, тщетно замаскировываютъ они свое смущеніе нервной погонею за экзотическими сюжетами и формами,—жестокая правда не укроется отъ читателя. Не укроется отъ него и то, что такъ называемыя „исканія", которыми особенно гордятся отдѣльныя литературныя группы, въ значительной мѣрѣ являютъ собою поиски вчерашняго дня.

„Вчерашній день"—это выраженіе, какъ помнитъ читатель, принадлежитъ Бальмонту. Вчерашнимъ днемъ онъ назвалъ Леонида Андреева, и въ этомъ—самая крупная погрѣшность критической статьи Бальмонта. Потому что Андреевъ—какъ разъ именно нынѣшній день русской литературы и русской дѣйствительности. И въ этомъ его привлекательность и исключительный интересъ къ нему. Мрачныя произведенія Андреева болѣзненны, какъ болѣзненно и породившее ихъ время. Но если когда нибудь впослѣдствіи историкъ захочетъ ярко освѣтить наше время, захочетъ изучить его не только въ причинной цѣпи внѣшнихъ событій, но и во внутреннихъ переживаніяхъ живыхъ людей, то безъ помощи факела, который зажегъ Андреевъ, ему не удастся осуществитъ свое желаніе. При своемъ огромномъ талантѣ, Андреевъ остается вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ пока художникомъ, отразившимъ наше время въ его больной мечтѣ („Къ звѣздамъ", „Савва") и въ его больномъ же разочарованіи („Такъ было", „Іуда", „Елеазаръ", „Тьма").

Какъ разъ на дняхъ только появилась удивительная исповѣдь, которая можетъ быть понята развѣ лишь при свѣтѣ Андреевскаго факела. Я говорю объ исповѣди публициста М. А. Энгельгарда („Свободн. Мысли", № 35).

Свои публицистическіе концерты Энгельгардъ все время давалъ на эсъ-эровской скрипкѣ. При этомъ, нажимомъ пальцевъ, онъ до послѣднихъ предѣловъ укорачивалъ струны и извлекалъ изъ нихъ звуки такого высокаго напряженія, что каждый разъ становилось страшно и за музыканта, у котораго вотъ-вотъ лопнутъ струны, и за слушателей, у которыхъ вотъ-вотъ лопнутъ барабанныя перепонки.

Пѣсни Энгельгарда, главнымъ образомъ, сводились къ тому, что русскій мужикъ—соціалистъ по своей природѣ и что не сегодня—завтра онъ, не смотря ни на что, оснуетъ волшебное царство соціализма... Струны не выдержали и лопнули. И теперь, вмѣсто того, чтобы винить въ этомъ несчастьи самого себя, Энгельгардъ, со свойственной ему рѣзкой грубостью, обрушивается на несчастный русскій народъ, не оправдавшій его ожиданій. Народъ нашъ—ругается публицистъ—вовсе не богатырь, а „фефела", не Илья Муромецъ, а „только Поприщинъ, который вообразилъ себя Фердинандомъ VII, королемъ испанскимъ, и давай чертить"... „Мы думали,

передъ нами вулканъ, онъ оказался пузырь. Пнулъ его носкомъ господскій сапогъ—и весь революціонный духъ изъ пузыря вонъ"...

И всю эту неистовую ругань Энгельгардъ выдаетъ теперь за „правду", которую мы „мужественно" должны изъ его рукъ принять.

И вѣдь, пожалуй, доля „правды" въ этой исповѣди дѣйствительно есть.

За нами только что окончившійся короткій, но значительный періодъ русской исторіи,—періодъ головокружительно высокихъ подъемовъ и бездонныхъ проваловъ, періодъ мечтательныхъ иллюзій и мрачныхъ разочарованій. Такова была жизнь. Андреевъ—ея художественное отображеніе. Энгельгардъ—карикатура на нее.

Наша революція была собственно конвульсивнымъ движеніемъ соціальнаго организма, изжившаго тѣ формы произвола и насилія, которыя государство культивировало въ затянувшійся у насъ періодъ капиталистическаго накопленія. Ничего новаго въ міровую сокровищницу идей мы не внесли и только почти повторили у себя, повторили болѣе страстно и болѣе болѣзненно, германскую революцію 1848 г. Повидимому, и наша литература по-революціоннаго періода собирается повторить исторію нѣмецкой литературы 50-хъ и 60-хъ гг. прошлаго столѣтія.

Эти два десятилѣтія, по свидѣтельству Рихарда Мейера, были отмѣчены полной безцвѣтностью нѣмецкой художественной литературы. Національный творческій геній какъ бы изсякъ на время въ этой области. Правда, и въ этомъ періодѣ появилось въ Германіи много новыхъ талантовъ, но они шли проторенными раньше путями и не создали ничего новаго, ничего оригинальнаго. И то, чего недоставало художникамъ,—даръ наблюдательности и критики, въ сочетаніи съ творческой силой воображенія—переходитъ теперь въ распоряженіе научной мысли и дѣятельности. Здѣсь появляются теперь такія крупныя (epochemachende) фигуры, какъ Момсенъ и Буркгардтъ, и произведенія такого значенія, какое имѣли труды Геттнера, Грегоровіуса и Куно Фишера [1]).

Было бы смѣшно, конечно, гадать теперь о появленіи у насъ собственныхъ Момсеновъ и Куно Фишеровъ. Но говорить о пробужденія у насъ серьезнаго интереса къ гуманитарному знанію уже можно. Одинъ только прошлый годъ выдвинулъ цѣлый рядъ серьезныхъ работъ въ этой области. Назовемъ, напримѣръ, обширныя, широко задуманныя: „Исторію Россіи въ XIX вѣкѣ" въ изданіи Граната и „Исторію русской литературы" подъ редакціей Аничкова, Бороздина и Овсянико-Куликовскаго. Назовемъ отдѣльныя изданія историко-литературныхъ изслѣдованій того же Овсянико-Куликовскаго, Венгерова, Н. А. Котляревскаго, Гершензона, Иванова-Разумника. И надобно замѣтить, что труды эти не только издаются, но и хорошо расходятся,—предложеніе пошло на встрѣчу уже существующему и осознанному спросу.

[1]) Dr. Richard M. Meyer. „Die deutsche Litteratur des XIX Jahrhunderts". Berlin. 1900 г. См. стр. 509 и слѣд.

Заговоривъ о пробужденномъ и обострившемся интересѣ къ гуманитарнымъ знаніямъ, нельзя обойти молчаніемъ и такого характернаго въ этой области симптома, какимъ является учрежденіе въ Петербургѣ кружка имени А. И. Герцена.

Симптоматическое значеніе этого кружка даже, такъ сказать, раздвояется въ моихъ глазахъ. Я вижу въ немъ симптомъ—воспользуюсь медицинской терминологіей—не только объективнаго, но и субъективнаго значенія: не только симптомъ *интереса*, но и симптомъ *настроенія*. Иначе говоря, мнѣ сильно сдается, что въ научные интересы кружка въ значительной долѣ привходятъ жгучіе элементы злободневности.

Рядомъ съ кружкомъ имени Герцена я представляю себѣ такіе же кружки имени Пушкина; имени Бѣлинскаго, котораго, кстати сказать, Тургеневъ совершенно справедливо считалъ „центральной фигурой"; имени Чернышевскаго... Ихъ нѣтъ, этихъ кружковъ, но они могли бы быть, они могутъ быть. Но дѣло въ томъ, что такіе кружки едва-ли способны были бы въ данный моментъ создать вокругъ себя ту атмосферу нравственнаго притяженія, какую создалъ кружокъ имени Герцена, при самомъ своемъ возникновеніи втянувшій въ себя самыхъ разнообразныхъ представителей политической мысли. Любовная память къ благородному „рыцарю истины",—какъ самъ себя назвалъ Герценъ—разбила партійныя узы и объединила ищущихъ въ одномъ тѣсномъ кружкѣ.

Въ рѣчи, произнесенной въ кружкѣ 9-го января (напечатана въ № 8 „Рѣчи"), П. Б. Струве сдѣлалъ интересную попытку выявить и формулировать то основное, чѣмъ Герценъ „милъ намъ, дорогъ, великъ и вѣченъ". Струве полагаетъ, что ему удалось найти „одно слово, которымъ можно, правда блѣдно и бѣдно, сказать, чѣмъ же былъ Герценъ. Это слово: *свобода*".

„Герценъ—говорилъ Струве—былъ воплощеніемъ свободы, какъ вѣчной стихіи человѣческаго духа. Онъ всегда боролся, всегда сомнѣвался, всегда искалъ—и въ этой борьбѣ съ другими и съ собой, въ этихъ исканіяхъ всегда былъ свободенъ.

„Это—человѣческій типъ, которому ничто человѣческое не чуждо, все понятно, но который самъ неспособенъ быть однимъ—деспотомъ. Герценъ понималъ даже деспотизмъ,—вспомните, какъ говорилъ онъ о Петрѣ Великомъ. Но деспотизмъ былъ для него внутренне чуждой стихіей. Вотъ почему у Герцена было такое отталкиваніе отъ тончайшей, наиболѣе духовной формы деспотизма, отъ догматизма. Такіе люди способны на всякую страсть,

кромѣ самой жестокой—догматической. Такіе люди иногда умираютъ на баррикадахъ, но они никогда не призываютъ другихъ на баррикады и не тащатъ ихъ на эшафотъ".

„Одинъ изъ національныхъ героевъ духа, Герценъ не принадлежитъ къ какой-либо партіи и какому-либо направленію. Не готовыя рѣшенія и утвержденные рецепты, а духъ свободы и культуры и сіяніе красоты обрѣтаемъ мы въ его твореніяхъ."

Рѣчь Струве, не чуждая злободневныхъ намековъ даже въ приведенныхъ здѣсь небольшихъ извлеченіяхъ изъ нея, заканчивается прямымъ обращеніемъ къ современности:

„Русскіе люди—изъ всѣхъ человѣческихъ стихій—съ наибольшею страстью искали свободы и всего полнѣе извѣдали и испили деспотизма. Не только въ смыслѣ политическомъ, но и въ смыслѣ духовномъ. Самый послѣдній перегонъ нашей исторіи, тотъ, отъ котораго мы теперь отдыхаемъ въ еще болѣе утомительномъ затишьѣ, измоталъ насъ всяческимъ деспотизмомъ. Здоровый инстинктъ толкаетъ насъ искать возрожденія въ свободѣ. Въ такое время тѣснѣйшее духовное общеніе съ Герценомъ и его твореніями будетъ обращеніемъ къ подлинному источнику воды живой."

Можно любить Герцена. Я не знаю даже, можно ли не любить его. Можно считать его великимъ и вѣчнымъ, потому что величіемъ неумирающаго духа вѣетъ со страницъ его правдивой исповѣди,—его книгъ,—развертывающихъ потрясающую трагедію мятежной, ищущей мысли. И все же не въ его твореніяхъ надо искать „подлиннаго источника воды живой".

Бѣлинскій сравниваетъ гдѣ-то свое поколѣніе съ израильтянами, блуждающими по степи въ тщетныхъ поискахъ обѣтованной земли. Герцена можно было бы назвать Моисеемъ этого поколѣнія; Іисусомъ Навиномъ во всякомъ случаѣ онъ не былъ.

Искусно построенная характеристика Герцена въ рѣчи Струве грѣшитъ, мнѣ кажется, однимъ весьма существеннымъ недостаткомъ: ораторъ далъ слову „свобода" слишкомъ широкое, слишкомъ распространительное толкованіе. Невольно вспомнился старинный анекдотъ о „свободномъ" извозщикѣ, котораго какіе то шалуны заставляли кричать „ура" въ честь свободы.

Въ самомъ дѣлѣ. Въ освѣщеніи Струве свобода Герцена пріобрѣтаетъ удивительно красивую видимость. Можно подумать, что это былъ какой то особенно пріятный даръ, которымъ боги осчастливили Герцена и которому мы, простые смертные, пренебреженные небожителями, можемъ только завидовать.

Но вѣдь въ дѣйствительности было совсѣмъ не то. Идеализируемая Струве свобода въ дѣйствительности была для Герцена не даромъ, а проклятіемъ,—сплошной драмой его жизни. И напрасно Струве противопоставляетъ Герцена Достоевскому, который „искалъ Бога и боролся съ нимъ,—

но всегда съ чуждою Герцену догматическою страстью обрѣсти окончательное, послѣднее, покоряющее, освобождающее отъ исканій рѣшеніе". Исканія Герцена лежали не въ той плоскости, гдѣ искалъ Достоевскій, но то, что Струве называетъ „догматическою страстью", не могло быть чуждо Герцену.

Догматъ есть конечная цѣль всякаго исканія. И о „догматической страстности" Герцена можно судить по тѣмъ мѣнявшимся догматамъ, которые—по его же собственнымъ признаніямъ—служили маяками на его трудномъ, извилистомъ пути. Да, этотъ, по Струве, далекій отъ догматизма человѣкъ, страстно жаждалъ „послѣдняго и окончательнаго" догмата. Ему не удалось обрѣсти таковой, но не онъ ли, начавъ съ догмата Запада, въ который увѣровалъ, „какъ христіане вѣрятъ въ рай", кончилъ догматомъ русскаго мессіянизма?

„Врагъ мистицизма и абсолютизма, ты—писалъ Герцену Тургеневъ:—мистически преклоняешься передъ русскимъ тулупомъ и въ немъ то видишь великую благодать и новизну и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ—das Absolute—однимъ словомъ—то самое Absolute, надъ которымъ ты такъ смѣешься въ философіи. Всѣ твои идолы разбиты, а безъ идола жить нельзя,—такъ давай воздвигать алтарь этому новому невѣдомому богу, благо о немъ почти ничего не извѣстно—и опять можно молиться, и вѣрить, и ждать"...

Итакъ, *рай*—на меньшемъ не мирился Герценъ—вотъ его догматъ, его абсолютъ. Сначала рай въ далекой, неизвѣстной Европѣ, въ концѣ—рай опять-таки въ далекой и неизвѣстной Россіи. Это были два полюса, двѣ снѣговыя вершины, у подножья которыхъ лежала скорбная долина разочарованія. Съ одной изъ этихъ вершинъ, подобно грозной всеразрушающей лавинѣ, скатилась мысль Герцена для того, чтобы потомъ изнемочь въ тщетныхъ усиліяхъ преодолѣть другую.

И здѣсь-то, въ долинѣ, стѣсненной двумя коллоссальными горными кряжами, Струве увидѣлъ и радостно привѣтствовалъ „свободнаго" Герцена.

И развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не здѣсь получилъ Герценъ ту свободу, которую такъ славитъ Струве?.

Когда-то, познакомившись съ ранними произведеніями Герцена, Бѣлинскій воскликнулъ: „У него страшно много ума, такъ много, что я не знаю, зачѣмъ его столько одному человѣку!" И вотъ теперь этотъ умъ, слишкомъ большой умъ для одного человѣка, пытливый, глубокій и отважный умъ, вдругъ, силою той страшной стихіи, которая зовется исторіей, оказался выбитымъ изъ завоеванныхъ было позицій и низвергнутымъ въ пропасть. Казалось, что страстная мечта жизни, наконецъ, близка къ воплощенію, что одинъ только шагъ остается до сверкающей вершины... и вдругъ вмѣсто лучезарнаго царства свободы—тѣ же отточенные солдатскіе штыки, только теперь направляемые рукою новаго властелина; вмѣсто соціализма—пошлая бухгалтерія буржуазной конторы".

Западъ горько обманулъ революціонныя иллюзіи Герцена, и добровольный изгнанникъ почувствовалъ себя въ чужомъ для него мірѣ безъ дороги, безъ выхода.

„Безъ выхода". Вѣдь это какъ разъ то положеніе, въ какомъ объявилъ себя Энгельгардъ. „Совсѣмъ, какъ Герценъ"—можетъ онъ сказать про себя. Совсѣмъ, да не очень. Герценъ не посыпалъ пепломъ свою главу, не выходилъ въ рубищѣ нищаго на большую дорогу для слезливаго покаянія. Онъ съ гордостью побѣжденнаго, но не сдавшагося сказалъ про себя: „признать, что никакого выхода нѣтъ,—тоже выходъ". Вотъ гдѣ сказалась дѣйствительно мужественная и свободная мысль Герцена. Но такая свобода покупается черезъ-чуръ дорогою цѣною.

Въ 1851 г. Герцена постигло тяжелое горе: въ морѣ погибли его мать и младшій сынъ. Мнѣ это событіе представлялось всегда полнымъ символическаго значенія. Потому что не является ли вся жизнь Герцена непрерывнымъ рядомъ подобныхъ крушеній, жестоко разбивавшихъ наиболѣе дорогія ему иллюзіи?

Со свойственнымъ его разсказу трепетаніемъ глубокой правды пережитаго подводитъ онъ въ „Западныхъ Арабескахъ" печальные итоги:

„Камня на камнѣ не осталось отъ прежней жизни. Я уже не жду ничего; ничто, послѣ видѣннаго и испытаннаго мной, не удивитъ и не обрадуетъ глубоко; удивленіе и радость обузданы воспоминаніями былого, страхомъ будущаго. Почти все стало мнѣ безразлично, и я равно не желаю ни завтра умереть, ни очень долго жить; пускай себѣ конецъ придетъ такъ же случайно и безсмысленно, какъ начало. А вѣдь я нашелъ все, чего искалъ, даже признаніе со стороны стараго себядовольнаго міра—да рядомъ съ этимъ утрату всѣхъ вѣрованій, всѣхъ благъ".

Послѣ этой трогательной исповѣди перечитайте вновь тѣ строки дневника, гдѣ молодой, жизнерадостный Герценъ провозглашаетъ, что „цѣль жизни—жизнь"; что въ „полнотѣ наслажденія" каждой минутой, каждымъ увлеченіемъ—счастье. Съ юношескимъ задоромъ вооружается онъ здѣсь противъ всякихъ „фантомовъ", мѣшающихъ „полнотѣ наслажденія" проходящей минутой, и призываетъ къ слiянію съ общей жизнью.

И въ результатѣ—неудавшаяся, разбитая жизнь. Вмѣсто слiянія съ общей жизнью—одиночество, а на склонѣ дней—даже брошенность. И основною причиною этого безпримѣрнаго крушенія цѣлой программы—лживый „фантомъ".

Собственно говоря, слiяніе съ общей жизнью—это была задача, вообще непосильная для Герцена во всѣ періоды его жизни.

Русскій баринъ, щедро надѣленный природою острымъ, испытующимъ умомъ, онъ слишкомъ пристально разглядывалъ приближающихся къ нему людей, чтобы не замѣчать ихъ индивидуальныхъ недостатковъ. Безпощадный къ самому себѣ, онъ не имѣлъ основаній щадить и другихъ. И какъ это ни странно, одной изъ основныхъ причинъ его добровольной эмиграціи послужило то обстоятельство, что ему стали „противны" въ Москвѣ „даже люди выше обыкновенныхъ". А вѣдь только съ такими, такъ сказать, высшаго сорта людьми, Герценъ и находился въ общеніи въ это время. Но они ему надоѣли теперь, и недостатки ихъ нервируютъ его: „этотъ суетный, сорокалѣтній парень Хомяковъ, просмѣявшійся цѣлую жизнь и ловившій нелѣпый призракъ русско-византійской церкви", Аксаковъ, „безумный о Москвѣ", даже „благородный и чистый" Чаадаевъ кажется ему теперь приниженнымъ „тяжелой атмосферой сѣвера" до уровня „ничтожной жизни маленькихъ преній" и пустыхъ ненужныхъ словъ. „Чѣмъ больше, чѣмъ внимательнѣе всматриваешься въ лучшихъ, благороднѣйшихъ людей,—писалъ тогда въ дневникѣ Герценъ,—тѣмъ яснѣе видишь, что это неестественное распаденіе съ жизнью ведетъ къ идіосинкразіямъ, ко всякимъ субъективнымъ блажнямъ".

За-границу Герцену посчастливилось попасть въ моментъ, какъ нельзя болѣе благопріятный для осуществленія поставленной имъ себѣ задачи—слiянія съ общей жизнью. Но здѣсь-то и произошло крушеніе его завѣтнѣйшей мечты.

Правда, онъ не сторонился событій. Онъ принималъ въ нихъ живое и дѣятельное участіе, но это участіе оставалось почти исключительно теоретическимъ. Правда, онъ вошелъ здѣсь въ общеніе съ выдающимися общественными и литературными дѣятелями чуть ли не всѣхъ европейскихъ народностей и государствъ. Его замѣчательныя характеристики многихъ изъ нихъ хранятъ объ этомъ яркое воспоминаніе. Но, поглощенный непрерывающейся внутренней работой, онъ не останавливаетъ, не удерживаетъ ихъ, и они—по скорбно-ироническому замѣчанію его жены—проходятъ мимо, разнообразные, какъ „арлекины", мелькающіе, какъ „китайскія тѣни". Не самъ онъ собираетъ вокругъ себя этихъ людей,—событія пропускали ихъ мимо Герцена. И когда вызвавшія ихъ событія закончились, вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилось и мельканіе „китайскихъ тѣней" вокругъ Герцена.

Но если общеніе съ выдающимися людьми Европы могло по крайней мѣрѣ создать иллюзію слiянія съ общей жизнью, то отношеніе Герцена къ европейскимъ массамъ окончательно уничтожало эту иллюзію. Вѣдь онѣ, эти массы, превратили чудный „рай" Герцена въ базаръ, въ мелочную лавку. И за это личное ему, Герцену, оскорбленіе онъ заклеймилъ эти массы, заклеймилъ всю буржуазную культуру Запада хлесткимъ, ядовитымъ словечкомъ: „мѣщанство". Это была месть титана: всю силу своей разрушительной критики, все богатство своего неподражаемаго стиля, весь свой смертоносный сарказмъ, все пустилъ въ ходъ Герценъ, чтобы заглушить боль причиненной ему обиды. И дѣйствительно, страницы, посвященныя

имъ западно-европейскому „мѣщанству“, поражаютъ беззавѣтной страстностью наносимыхъ ударовъ. Это даже не бичь, а скорпіоны сатиры.

Нельзя однако не отмѣтить удивительной судьбы этой сатиры. Она имѣла и, какъ я сейчасъ покажу, имѣетъ колоссальнѣйшій успѣхъ у насъ, у которыхъ собственно для скорпіоновъ Герцена нѣтъ достаточнаго примѣненія. А между тѣмъ въ Западной Европѣ, для которой скорпіоны эти исключительно и предназначались, сатира не произвела эффекта. Пусть кто нибудь другой освѣтитъ этимъ вопросъ съ точки зрѣнія толстокожести европейскаго мѣщанина, а я пока укажу на основную ошибку сатиры.

Энергія, вложенная Герценомъ въ сатиру, не поддается измѣренію. Ударъ сатиры могъ бы быть смертоноснымъ, если бы онъ былъ направленъ въ какую нибудь опредѣленную точку. Но русскій варваръ, которому „исторія ничего не завѣщала“, не разсчиталъ своихъ силъ и размахнулся черезъ чуръ широко. Нацѣлившись въ европейскую буржуазію, онъ широкимъ русскимъ размахомъ ударилъ по всему культурному человѣчеству, и, конечно, человѣчество даже не узнало о томъ, что кто-то собирается его зашибить.

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько строкъ изъ одной такой сатиры:

„Всѣ партіи и оттѣнки мало-по-малу раздѣлились въ мірѣ мѣщанскомъ на два главные стана: съ одной стороны, мѣщане-собственники, упорно отказывающіеся поступиться своими монополіями, съ другой — неимущіе мѣщане, которые хотятъ вырвать изъ рукъ ихъ достояніе, но не имѣютъ силы, т. е. съ одной стороны скупость, съ другой—зависть. Такъ какъ дѣйствительно нравственнаго начала во всемъ этомъ нѣтъ, то и мѣсто лица въ той или другой сторонѣ опредѣляется внѣшними условіями состоянія—общественнаго положенія“.

Итакъ, стало быть, имущіе и неимущіе, собственники и пролетаріи, всѣ они мѣщане; ихъ характеръ противенъ, тѣсенъ для искусства; ихъ нивелирующаяся посредственность стираетъ личность, губитъ все индивидуальное.

Гдѣ же, однако, не—мѣщане? Увы, ихъ нѣтъ совсѣмъ на бѣломъ свѣтѣ. Они могли бы, пожалуй, отыскаться въ европейскомъ „раю“ Герцена, но, за упраздненіемъ рая, они насильственно прекратили свое существованіе.

Чувствую что, заговоривъ объ исторической личности Герцена, я начинаю трактовать эту неприкосновенную для злободневности фигуру въ злободневномъ тонѣ. Быть можетъ, читатель замѣтилъ эту мою непростительную оплошность раньше меня. Жалѣю, что онъ не могъ во время остановить меня. Теперь же я могу сказать только одно: виновенъ, но заслуживаю снисхожденія. И право свое на снисхожденіе я основываю на томъ, что современная литература, опередивъ Струве, самостоятельно обратилась къ Герцену, какъ къ „подлинному источнику воды живой“, и черпаетъ изъ этого источника наиболѣе замутившіяся его струи.

Вотъ предо мной лежатъ два солидныхъ тома (800 страницъ) „Исторіи русской общественной мысли“ Иванова-Разумника. Въ теченіе прошлаго года работа эта потребовала двухъ изданій,—она нашла широкую дорогу къ читателю. И дѣйствительно, нельзя не отнестись съ почтеніемъ къ огромному труду, вложенному авторомъ въ эту книгу. Нельзя не оцѣнить того серьезнаго вниманія, съ какимъ подходитъ Ивановъ-Разумникъ къ каждому изъ разсматриваемыхъ имъ авторовъ. И тѣмъ не менѣе, нельзя не отнестись съ полнымъ отрицаніемъ къ этой работѣ, цѣликомъ построенной на расплывающемся положеніи Герцена объ анти-культурной миссіи мѣщанства.

Подзаголовокъ книги Иванова-Разумника точнѣе опредѣляетъ ея содержаніе: „Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX в.“ Цѣль книги—выяснить взаимоотношеніе между литературой и средой.

Литература, по Иванову-Разумнику,—это органъ, въ которомъ выражаетъ себя интеллигенція,—„Евангеліе русской интеллигенціи“. Среда—это мѣщанство, а мѣщанство—„это *узость, плоскость и безличность* (курсивъ Иванова-Разумника), узость формы, плоскость содержанія и безличность духа“. Вся исторія нашей литературы представляется автору непрерывной борьбой интеллигенціи и мѣщанства—„это двѣ силы, дѣйствующія въ діаметрально противоположенныхъ направленіяхъ, двѣ непримиримо враждебныя силы: мѣщанство—это та среда, въ неустанной борьбѣ съ которой происходилъ процессъ развитія русской интеллигенціи. *Борьба съ мѣщанствомъ*—подчеркиваетъ авторъ—вотъ та точка зрѣнія, съ которой мы будемъ изучать содержаніе исторіи русской интеллигенціи, процессъ ея развитія (т. I, стр. 16)“.

Сатира Герцена легла въ основу научнаго историческаго изслѣдованія, —случай, мнѣ кажется, исключительный въ области научнаго мышленія.

Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ двумя враждебными силами,—съ интеллигенціей и мѣщанствомъ. Мы встрѣчаемся съ ними на каждой страницѣ обширной работы Иванова-Разумника и вправѣ потребовать отъ него возможно точнаго ихъ опредѣленія. Въ только что приведенномъ здѣсь положеніи автора силы эти представлены намъ въ весьма загадочномъ, мистическомъ свѣтѣ. Мѣщанство узко, плоско, безлично. Пусть такъ. Но почему же и какими таинственными процессами это безличное мѣщанство съ такимъ упорнымъ постоянствомъ систематически выдѣляетъ изъ своей среды и на свою же голову непримиримыхъ враговъ себѣ? И мало того, что

выдѣляетъ,—вѣнчаетъ лаврами наиболѣе сильныхъ изъ нихъ, окружаетъ ихъ почетомъ, создаетъ славу?

Увы! Этотъ таинственный процессъ взаимодѣйствія среды и ея интеллигенціи остается скрытымъ въ изслѣдованіи Иванова-Разумника. Авторъ старательно обходитъ этотъ кардинальный вопросъ своей темы, и въ его представленіи мѣщанство и интеллигенція стоятъ особнякомъ, въ вѣковѣчной враждѣ другъ съ другомъ. Мѣщанство само по себѣ, интеллигенція сама по себѣ. Мѣщанство опредѣляется тѣмъ, что „интеллигенція не входитъ въ эту группу“, а интеллигенція тѣмъ, что „въ группу интеллигенціи не входятъ мѣщане“ (стр. 14). Общее же между ними то, что обѣ эти группы „преемственныя, внѣклассовыя и внѣсословныя“. Далѣе мы узнаемъ, что „мѣщанство, въ противоположность интеллигенціи, должно (!) характеризоваться отсутствіемъ творчества, отсутствіемъ активности; новые идеалы, новыя формы, активное проведеніе ихъ—все это несвойственно мѣщанству“. Напротивъ, интеллигенція характеризуется „творчествомъ новыхъ формъ и *активнымъ* проведеніемъ ихъ въ жизнь *въ направленіи* (курсивъ въ обоихъ случаяхъ принадлежитъ Ив.-Разумнику) къ физическому и умственному, общественному и личному освобожденію личности“. Словомъ, творчество русской интеллигенціи состоитъ въ ея „борьбѣ за индивидуальность“.

Съ такими безформенными опредѣленіями основныхъ своихъ положеній приступилъ Ивановъ-Разумникъ къ научной исторической работѣ. Разумѣется, она не удалась ему. Вмѣсто „исторіи общественной мысли“ вышла сказка про бѣлаго бычка, съ безконечными повтореніями, не только не уясняющими, но все больше и больше запутывающими смутную мысль автора. Читатель помнитъ, конечно, что въ сказкѣ о бычкѣ все разнообразіе утомительнаго разсказа сводится къ перемѣнамъ окраски животнаго:—сначала рѣчь идетъ о бѣломъ бычкѣ, потомъ о черномъ, о рыжемъ. При достаточномъ терпѣніи разсказчика и слушателя, бычокъ въ дальнѣйшемъ теченіи повѣствованія окрашивается, наконецъ, въ цвѣта фантастическіе и во всякомъ случаѣ совершенно несвойственные скромному четвероногому. Точь въ точь такой же передѣлкѣ подвергаетъ Ивановъ-Разумникъ въ своей работѣ содержаніе „индивидуализма“, который, какъ признакъ, всюду сопутствуетъ у него русской интеллигенціи. Индивидуализмъ этическій, соціологическій, философскій, этико-соціологическій, эстетическій, метафизическій, религіозный, гносеологическій и т. д. и т. д. пестритъ на страницахъ „исторіи“ Иванова-Разумника, но отъ этого она не перестаетъ быть невразумительной, а главное, скучной.

На пространствѣ двухъ увѣсистыхъ томовъ Ивановъ-Разумникъ далъ только одну веселую страничку и ту онъ, должно быть, въ цѣляхъ эффектнаго заключенія своего изслѣдованія, приберегъ къ самому концу книги.

„Ортодоксальные русскіе марксисты—утверждаетъ Ивановъ-Разумникъ—

пророчатъ русской интеллигенціи быстрое увяданіе и вымираніе. Интеллигенція, говорятъ они, должна испытать процессъ разложенія и смерти, будучи такимъ же застарѣлымъ пережиткомъ до-конституціоннаго строя, какъ и поземельная община: вѣдь на Западѣ теперь нѣтъ ни общины, ни „интеллигенціи“, въ ея русскомъ значеніи... Мы не стоимъ на такой точкѣ зрѣнія, такъ какъ не считаемъ сильнымъ аргументомъ старое, истрепанное положеніе: на Западѣ когда-то *было* то, что у насъ теперь *есть* а слѣдовательно у насъ когда-нибудь *будетъ* то, что есть теперь на Западѣ... По-истинѣ, удивительный силлогизмъ!.. Вотъ почему мы не придаемъ вѣса ихъ кассандровскимъ пророчествамъ о грядущей скорой гибели русской внѣсословной и внѣклассовой интеллигенціи; наоборотъ, мы предвидимъ дальнѣйшій ростъ и разцвѣтъ этой интеллигенціи, къ которой мы хотѣли бы имѣть право приложить знакомыя намъ слова: ея прошлое—изумительно, ея будущее—невообразимо“...

Вотъ вѣдь какимъ напослѣдокъ шутникомъ оказался Ивановъ-Разумникъ!—Мало ему показалось собственнаго „невообразимаго“ толкованія интеллигенціи, такъ онъ еще и русскому марксизму навязываетъ какую-то невообразимую чепуху и даже полемизируетъ съ ней.

Гдѣ и когда „ортодоксальные русскіе марксисты“ пророчили русской интеллигенціи „быстрое увяданіе и умираніе“? Гдѣ и когда сопоставляли они судьбу интеллигенціи съ судьбами русской общины? Гдѣ и когда строили они тѣ „по-истинѣ, удивительные силлогизмы“, которые имъ приписываетъ Ивановъ-Разумникъ?

Нигдѣ и никогда—долженъ будетъ отвѣтить намъ самъ авторъ этой игривой выходки. Вѣдь онъ, такъ добросовѣстно-точно цитирующій чужія слова, старательно сопровождающій каждую взятую имъ цитату ссылкой на соотвѣтствующаго автора и даже на страницу, здѣсь въ интерпретаціи марксистской позиціи, даже не намекнулъ о томъ, отъ кого онъ могъ слышать весь этотъ вздоръ.

Конечно, это была невинная шутка автора. Я увѣренъ въ этомъ тѣмъ болѣе, что марксистская точка зрѣнія на этотъ сложный для Иванова-Разумника вопросъ очень проста и легко усвояема. Надобно только признать, что русская интеллигенція—не ананасъ, а остальное дастся затѣмъ само собою. Въ самомъ дѣлѣ, разъ только допустить, что интеллигенція—не ананасъ, что ее не привозятъ къ намъ изъ заморскихъ странъ, то затѣмъ уже придется признать ее доморощеннымъ продуктомъ данной соціальной среды. Въ средѣ, мало дифференцированной, интеллигенція представляется болѣе или менѣе однороднымъ, компактнымъ цѣлымъ. По мѣрѣ дифференціаціи среды дифференцируются и ея интеллектуальныя силы, ея интеллигенція. Не о гибели, нѣтъ,—о ростѣ интеллигенціи, въ связи съ культурной эволюціей человѣчества, могутъ говорить

марксисты, но, разумѣется, „интеллигенція" въ ихъ представленіи мало похожа на „невообразимый" ананасъ Иванова-Разумника.

Отъ тяжеловѣснаго историческаго изслѣдованія Иванова-Разумника, которое читается съ трудомъ, требуя частыхъ и продолжительныхъ отдыховъ, я непосредственно перейду къ критическимъ очеркамъ К. Чуковскаго: „Отъ Чехова до нашихъ дней". Живо написанная книжка Чуковскаго, въ противоположность изслѣдованію Иванова Разумника, читается чрезвычайно легко: я лично потратилъ на ея прочтеніе ровно часъ времени. И все-таки между обоими этими авторами чувствуется несомнѣнная связь.

Чуковскій—Никодимъ Иванова-Разумника, тайный ученикъ его. Тайный,—потому что, воспринявъ отъ Иванова-Разумника, а черезъ него, слѣдовательно, и отъ Герцена, смутныя представленія о мѣщанствѣ, объ интеллигенціи и индивидуализмѣ, Чуковскій почему-то стыдится открыто признать своихъ учителей. Такъ, имя Иванова-Разумника ни разу не названо въ книгѣ. О Герценѣ онъ вспоминаетъ какъ-то мимоходомъ, вскользь, притомъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ бы слѣдовало. Тамъ же, гдѣ слѣдуетъ, Чуковскій почему-то прячетъ Герцена.

Въ первой же статьѣ сборника („А. Чеховъ") Чуковскій говоритъ о перемѣщеніи центра тяжести русской исторіи въ города. „Одно изъ первыхъ дѣлъ города заключалась въ томъ—поясняетъ авторъ,—что господинъ превратился въ хозяина, въ городского собственника, въ мѣщанина. Съ его приходомъ дворянская, помѣщичья, „рыцарская честь замѣнилась бухгалтерской честностью, гордость—обидчивостью, изящные нравы—нравами чинными, вѣжливость—чопорностью, парки—огородами, дворцы—гостиницами, открытыми для всѣхъ, т. е. для всѣхъ имѣющихъ деньги".

Чуковскій, по какимъ-то, одному ему извѣстнымъ соображеніямъ, умолчалъ о томъ, что все, отмѣченное имъ кавычками, и кое-что, не отмѣченное имъ этимъ знакомъ, принадлежитъ Герцену и относится къ феодальному рыцарству З. Европы.

А вѣдь иной наивный читатель подумаетъ, что авторъ цитируетъ собственныя свои раннія произведенія; подумаетъ и удивится: о какомъ-такомъ русскомъ рыцарствѣ, котораго у насъ никогда не было, трактуетъ Чуковскій?

Ученикъ Иванова-Разумника, Чуковскій не просто копируетъ учителя, но, проявляя значительную долю самостоятельности, кое въ чемъ дополняетъ и даже, по своему, исправляетъ учителя. Такъ, къ 1001 видамъ индивидуализма Иванова-Разумника онъ прибавляетъ два-три собственныхъ, новыхъ,—напримѣръ, мѣщанствующій индивидуализмъ, ложный индивидуализмъ. Исправляя учителя, Чуковскій утверждаетъ, что въ нашей

послѣ-чеховской литературѣ утвердилась „мѣщанственность", и что эта самая мѣщанственность,—здѣсь Чуковскій высказывается совсѣмъ на-перекоръ учителю—пользуется индивидуализмомъ, какъ наиболѣе „присущей русскому мѣщанству формой". Впрочемъ, пятью строками ниже Чуковскій, какъ бы испугавшись такой явной ереси, беретъ свои слова назадъ и обвиняетъ послѣ-чеховскую литературу въ „полнѣйшемъ забвеніи" индивидуализма (стр. 10 и 11).

Само собою разумѣется, что подобнаго свойства дополненія и поправки къ исторической системѣ Иванова-Разумника не только не помогли его талантливому ученику, но, напротивъ, окончательно смутили и запутали его. Смущенностью Чуковскаго только и можно объяснить, такой, напримѣръ, казусъ, что на небольшомъ пространствѣ своей книжечки критикъ не одинъ разъ высказываетъ положенія, взаимно другъ друга исключающія.

Примѣры:

На стр. 70-й Чуковскій рѣзко обрушивается на М. Горькаго за обнаруженное этимъ писателемъ, по мнѣнію критика, „неуваженіе къ личности". Горькій—возмущается критикъ — „придавилъ свою личность, съузилъ ее, обкарналъ—и не только свою, но и личность всѣхъ тѣхъ, кого онъ вывелъ въ своихъ писаніяхъ, отнимая у тѣхъ конкретныя черты". Горькій „высказываетъ полнѣйшее равнодушіе къ человѣку конкретному, къ неповторяемой живой личности".

На стр. 121-й тотъ же критикъ, во имя страстной любви своей къ живой личности и къ русской литературѣ, обрушивается, опять же за „неуваженіе къ личности", на Бориса Зайцева. Но на этомъ разъ, въ противовѣсъ и въ поученіе молодому художнику, онъ выдвигаетъ М. Горькаго, который, по глубокому убѣжденію критика, „во главу угла полагаетъ личность, конкретную, вотъ эту, съ такими-то глазами, съ такими-то мыслями".

Съ такою же рѣшительною категоричностью и съ такою же легкомысленной небрежностью говоритъ Чуковскій объ индивидуализмѣ Горькаго. Вмѣстѣ съ Арцыбашевымъ, Каменскимъ, Юшкевичемъ, Кузминымъ и другими, М. Горькій сопричисленъ критикомъ къ представителямъ „ложнаго индивидуализма". Въ предисловіи Горькій объявленъ „мѣщаниномъ съ головы до ногъ". Но, если вы дойдете до страницы 126-й книги, вы увидите тамъ Горькаго уже въ роли представителя „этическаго индивидуализма". А между тѣмъ, по „системѣ" Чуковскаго, „ложный индивидуализмъ" отличается отъ „этическаго" какими-то весьма и весьма существенными признаками. Ибо онъ душевно скорбитъ о „кризисѣ этическаго индивидуализма" и мечетъ громы искреннѣйшаго негодованія по адресу „ложнаго индивидуализма".

Я почти не сомнѣваюсь въ томъ, что, если написанныя выше строки

когда-нибудь попадутся на глаза Чуковскому, то онъ покраснѣетъ отъ стыда... не за себя, конечно, не за свои критическіе промахи, а за меня, за мой педантизмъ.

— „Эка невидаль—противорѣчія!—скажетъ онъ, вѣроятно:—таково ужъ свойство нашихъ капризныхъ впечатлѣній. А вѣдь впечатлѣніями, только впечатлѣніями долженъ быть занятъ современный критикъ. Когда я началъ писать о Горькомъ, на дворѣ стояла отвратительная погода, у меня былъ насморкъ (объ этомъ даже въ „Календарѣ писателя“ было пропечатано), вотъ и получалось впечатлѣніе о Горькомъ, какъ о ненавистникѣ живого, конкретнаго человѣка. Черезъ три дня небо прояснилось, я поправился и даже получилъ въ редакціи авансъ, и все это не могло не настроить меня на болѣе миролюбивый ладъ. Ничего удивительнаго въ этой смѣнѣ настроеній нѣтъ, и только какой-нибудь журнальный педантъ можетъ не оцѣнить моего живого отношенія къ дѣлу.“

Да, Чуковскій—критикъ „новой школы“. Вмѣстѣ со своими „молодыми“ товарищами онъ любитъ противопоставлять пріемы новыхъ критиковъ „отжившей и увядающей старой критикѣ“ или, по ихъ терминологіи, „критикѣ толстыхъ журналовъ“: ей—„время тлѣть“, а имъ—„цвѣсти“. Ихъ интересуетъ не произведеніе художника, а ихъ собственное мимолетное впечатлѣніе, которое сейчасъ же, послѣ минутнаго раздумья, можетъ радикальнѣйшимъ образомъ измѣниться; имъ часто нѣтъ никакого дѣла до дѣйствительнаго, живого облика писателя,—ихъ больше занимаютъ тѣ, бульварнаго парижскаго стиля, vies imaginaires, въ которыхъ серьезное изученіе писателя замѣняется необузданнымъ разгуломъ фантазіи критика.

Почти на дняхъ только, на почвѣ такого пониманія критики, завязался на страницахъ столичной прессы любопытный споръ. Одинъ изъ „новыхъ“ критиковъ, Максимиліанъ Волошинъ, начерталъ въ „Руси“ довольно-таки удивительный портретъ Валерія Брюсова. Выходило такъ, что поэтъ родился и выросъ у дверей публичнаго дома, и что это обстоятельство разъ и навсегда опредѣлило отношеніе поэта къ женщинѣ, какъ къ проституткѣ. Внѣ проституціи Брюсовъ не можетъ мыслить женщину ни въ современности, ни даже въ прошломъ и будущемъ.

Брюсовъ сдѣлалъ было попытку указать на непристойность подобной „критики“, но встрѣтилъ со стороны Волошина энергичный и стойкій отпоръ: современной критикъ не обязанъ-де копаться въ біографіи и въ произведеніяхъ писателей; заглаза достаточно съ нихъ и того, что критикъ, даетъ себѣ трудъ сочинить ихъ vies imaginaires.

И, вѣдь, замѣтьте, что Максимиліанъ Волошинъ сочинилъ этотъ занимательный некрологъ Брюсова отъ избытка самыхъ благородныхъ чувствъ, потому что онъ—поклонникъ поэта. А вотъ Чуковскій подошелъ съ тами же пріемами критики къ Горькому съ другими побужденіями, и поэтому имъ написанная vie imaginaire Горькаго (стр. 65 и др.) производитъ еще болѣе тяжелое впечатлѣніе.

Изъ писателей, подвергнутыхъ оцѣнкѣ въ книгѣ Чуковскаго, я остановился главнымъ образомъ на Горькомъ съ предвзятымъ намѣреніемъ. Одна огромная полоса въ художественной дѣятельности орькаго можетъ считаться вполнѣ законченной. И казалось что критикъ, хотя бы даже и самой новѣйшей школы, могъ успѣть составить себѣ болѣе или менѣе опредѣленный взглядъ на пройденный уже писателемъ путь, внѣ зависимости отъ капризовъ петербургской погоды. Чуковскій этого сдѣлать не успѣлъ. И теперь, демонстрировавъ безпомощкость критика въ его одной оцѣнкѣ, я чувствую себя вправѣ, не приводя дальнѣйшихъ доказательствъ, коротко, въ двухъ словахъ, высказать свое мнѣніе о всей книгѣ Чуковскаго:—она феноменальна по количеству собраннаго въ ней легкомыслія.

Мелькаютъ имена, мелькаютъ остроты, среди которыхъ не мало удачныхъ, мелькаютъ коротенькія, отрывочныя мысли, изъ которыхъ многія обнаруживаютъ порою недюжинную наблюдательность автора, но все это—и имена, и остроты, и мысли—какъ-то плохо цѣпляются другъ за друга. Нѣтъ связи, а въ замѣчаніяхъ автора, даже въ наиболѣе цѣнныхъ изъ нихъ, чувствуется, что они скользятъ по гладкой поверхности, не имѣя силы пробить ее и проникнуть въ глубину вопроса.

Лучше другихъ удались Чуковскому литературные портреты Бальмонта и Дымова. Характеристику этого послѣдняго писателя нельзя не назвать даже блестящей, такъ что Чуковскій, впредь до завоеванія иныхъ литературныхъ лавровъ, смѣло могъ бы претендовать на всеобщее признаніе за нимъ почтеннаго титула:—„критикъ Дымова“.

Вл. Кранихфельдъ.